

Вечно молодая
и неотразимая.Людмила Гурченко:
"Люся, стоп!
Мадлен, спокойно!"

тал деньги". Я думаю: "Кто его знает, может быть, он и гениальный, может, просто его государство раньше душило?" Но когда начинаю читать режиссерскую разработку, то понимаю: лучше бы он остался реквизитором.

После перестройки я снялась в двенадцати картинах. Но кто их видел?

— Но ведь у вашего мужа есть своя фирма "Кинокомпания Сергея Сенина"...

— В последние годы мы сосредоточились на театральных и телевизионных проектах, — ответил Сенин. — В свое время мы действительно занимались кино, но стали жертвами и творческих, и финансовых кризисов, коснувшихся отечественного кинематографа. Теперь я подумаю о том, чтобы изменить

— Честно говоря, толком не слышала о таком.

— Стало быть, вас не приглашали?

— Так там же все молодые.

— И Кобзон...

— Я вас поняла. Он вечно молодой... "Стану вечно молодой" (напевает с улыбкой).

— Почему ваш предыдущий проект — "Бюро счастья" — назван мюзиклом, а "Мадлен" — музыкальным спектаклем?

— Мюзикл — это особый жанр, требующий больших финансовых вливаний, взаимодействия самых разных артистов. Мы с Сергеем Михайловичем попробовали сдвинуть эту машину, сделав "Бюро счастья". Но больше я никогда в жизни с нуля сама мюзиклами не буду заниматься — иначе умру, меня хватят инфаркт с инсультом одновременно. В готовый мюзикл же пойду с удовольствием! Между прочим, "Бюро счастья" продолжает с успехом идти в Москве, причем есть немало зрителей, что по многу раз приходят на наш спектакль.

— Людмила Марковна, ваш характер — предмет многих театральных легенд. Интересно, а сами вы страдаете от своего резкого характера?

— Совершенно не могу быть неискренней. Как только начну врать, значит, кончилась Гурченко.

— Я читал, что вы придерживаетесь какой-то фантастической диеты...

— Все эти диеты, таблетки, спортивные занятия — не для меня. Я всегда хочу кушать и при этом никогда не поправлюсь и не похудею. Такой организм. Я даже зарядку не делаю. Хотя живу большей частью за городом.

— У вас, наверное, роскошный загородный дом...

— Четыре года назад мы с Сергеем Михайловичем купили маленький домик на три комнаты, обустроили его и теперь в основном живем там. Телевизор у нас принимает на даче не все каналы. Так что я не телеман и даже многие программы, где сама снималась, пропускаю. Да я и фильмы со своим участием не люблю смотреть.

— Как вы относитесь к алкоголю? Многие актрисы (не говоря уже об актерах) имеют богатое алкогольное прошлое.

— Наверное, это какая-то разрядка, многим — необходимая. А если на другой вечер у вас работы нет, то наутро идет похмелье, а после похмелья — опять разрядка. И так неделями, месяцами, годами... Если ты мужчина, если у тебя дома жена, дети, а ты не снимаешься, не играешь в театре, то это же драма, трагедия! Про женщин-актрис вообще не говорю!

Как жила Татьяна Самойлова после всенародного успеха? Без ролей, без денег, без достойной квартиры. Ведь звезда — это материальная база. Нет базы — ничего не будет.

Вот Хулио Иглесиас — звезда. И его давно не интересуют деньги. Он работает для удовольствия. Вот что такое звезда. Первые годы вкалываешь на всю катушку, а потом добился успеха, денег заработал и поешь, играешь, снимаешься для удовольствия.

Я же столько лет снима-

лась, чтобы выжить, чтобы профессию не потерять. Удастся ли мне нынче работать для удовольствия? Разве что в театре...

— Сейчас модно говорить о каком-то актере: "Он — элитарная звезда". О вас такое когда-нибудь говорили?

— В 60-е годы в Москву приехал французский шансонье Жак Брель, и моя жизнь во многом изменилась, потому что я поняла, что такое настоящий эстрадный артист. Сегодня нет такого, чтобы артист мог быть понятным на всех уровнях. Вот Пушкина и академик Лихачев изучал, и бастующий шахтер любит. Он доступен. Но не так, как девочки в коротких юбочках с Тверской. Вот Володя Высоцкий — его слушают и в "мерседесах", и в "запорожках". Французы, не понимающие русского языка, плачут: "Володя! Что ты делаешь, Володя!" Вот что такое высшее проявление элитарности.

— После клипа "Примадонна" Пугачевой, где вы снимались, создалось впечатление, что вы с Аллой чуть ли не подруги, и так хотелось бы увидеть и услышать ваши новые совместные работы...

— На самом же деле мы с Аллой до "Примадонны" были мало знакомы. Ну так, могли где-нибудь в одном кино у Жени Гинзбурга пересечься, в каком-нибудь концертном эстрадном шоу, но не более того. А тут был показ мод у Валентина Юдашкина. Я тогда была после очень тяжелой болезни, думала, что вот уйду в мир иной, а надо бы всем успеть сказать, как я их люблю, какие они талантливые, грандиозные. Я увидела Аллу, подошла к ней и в двух словах сказала, что я чувствую. Не знаю, не помню, что уж точно тогда говорила, — в общем, так коротко попрощалась...

Потом вдруг звонок. В трубке Аллин голос: не могла бы она использовать кадры из моих фильмов в своем клипе "Примадонна"? Прием такого монтажа был мне известен по западным клипам. Я в принципе не возражала, но попросила послушать песню. Она тут же прокрутила фонограмму по телефону. Мне понравилось, что это ее песня (и стихи, и музыка Пугачевой), что там не четыре аккорда, а красивая гармония, необычная мелодия. Я сказала: "Ну хорошо". Мы с Аллой ночью встретились на съёмочной площадке, где она пела, а я в очках изображала неизвестно что. Все было очень мило. Клип мне понравился. Потом мы встретились на ее дне рождения в "Олимпийском", где я исполнила песню "Фотограф", и больше почти не виделись.

— А с Земфирой вы тоже близко не знакомы?

— Представьте себе, нет. Но песни ее меня очаровали. Я очень люблю не только песню "Хочешь?", которую сняло в новомодном проекте ОРТ, но и другие баллады, например "Мне приснилось небо Лондона". Главное, что Земфира независима, своеобразна, блистательна. Ворвалась со своим видением, со своими подворотнями, своей любовью.

Михаил САДЧИКОВ

Нынче Людмила Марковна почти не снимается в кино, но очень активна на театральных подмостках, а кроме того, продолжает писать историю своей безумно интересной жизни. Не так давно увидела свет новая книга мемуаров "Люся, стоп!"

— Раньше вы не раз признавались в любви к Ленинграду, где снимались во многих замечательных фильмах. А теперь, когда ваши визиты в Питер столь редки, это чувство не угасло?

— Прошлой осенью я провела в Петербурге целых две недели. Жила вместе с мужем, продюсером Сергеем Сениным, в скромной гостинице при Дворце культуры "Выборгский", никуда особенно не выезжала (да и куда ехать, если у вас все дороги перекрыты, — и слава богу, может быть, приведут город в порядок хотя бы к его юбилею!).

— Вы решили "сбежать" из Москвы в Питер, так как здесь дешевле арендовать зал, организовать репетиционный процесс?

— Главное, что здесь можно было скрыться от суеты. И мои ожидания оправдались. К тому же мне предстояло сыграть не просто актрису, а профессиональную балерину...

— Думаю, это вам не составило большого труда. Всякий театр знает, что Гурченко блестяще танцует...

— Но я же никогда не училась танцевать профессионально. Я столько времени провела в думах, как буду танцевать танго в "Мадлен".

Я очень серьезно занималась, вникала во все тонкости. Просила балетмейстера Николая Андросова, чтобы на сцене все было как можно ближе к профессиональному танцу. Задача была — исполнить полноценный хореографический номер со сложными элементами. Бывали репетиционные дни, когда мы занимались только хореографией. Нам ведь с актрисой Ларисой Кузнецовой предстояло не только танцевать, но еще и обмениваться в танце репликами, петь — такой была режиссура Козака.

— Людмила Марковна, как вы нашли композитора Давида Тухманова? Ведь он в последние годы пропадал где-то на Западе...

— У Тухманова был великолепный творческий вечер в Москве, первый после его возвращения из Германии. Я исполнила тогда танго "Горькие яблоки", где мы еще и танцевали с Гедиминомс Тарандой. Мне показалось, что в этом танго есть и шлягерная мелодия, и удивительная гармония, и отличная аранжи-

ровка. Помимо главной темы Тухманов написал по нашему заказу еще девять оригинальных произведений, причем на поэзию высокого класса — Ахматову, Цветаеву, Сологуба, Петровых... В драматический спектакль великолепно легла и стала где-то доминирующей музыкальная канва. Мы выпустили компакт-диск с музыкой Тухманова из спектакля "Мадлен, спокойно!" — это совершенно полноценные произведения.

— В последнее время вы постоянно появляетесь с Николаем Фоменко. И в мюзикле "Бюро счастья", и в кино — "Старые клячи", и на эстраде — программа "Прощай, XXI!"...

— Коля для меня особый человек и особый партнер. Когда мы приступили к проекту "Бюро счастья", то многие артисты, с придыханием раньше говорившие о своем заветном желании сыграть в мюзикле, вдруг начали отказываться. Кто-то переключился на бизнес, кто-то не поверил в глобальный проект... Но вот пришел Коля, я спела ему под фонограмму первый акт, и он тут же сказал: "Все! Я с вами". Мы начали работать, проект ожил. Поэтому теперь я согласна быть шестым лебедем справа, если меня позовет Фоменко...

А в "Мадлен" он не попал потому, что переключился на автогонки, гоняет со скоростью 320 километров в час по миру. Он теперь чуть ли не рядом с Шумахером. К тому же Коля еще раньше начал репетировать в Театре имени Пушкина в спектакле "Академия смеха" не у кого иного, как у Козака. Но я очень рада, что в "Мадлен" сыграла с актером мощного темперамента — Евгением Князевым.

— Почему Гурченко нынче так редко приглашают сниматься в кино?

— Когда читаю сценарии, мне дурно становится, а когда узнаю, кто будет режиссером, настроение вообще падает... Представляете, человек, который до этого поработал то ли реквизитором, то ли осветителем на одной картине, вдруг превращается в режиссера: "Люся! Сыграй у меня, я дос-

название на "Театральная компания"...

— Когда-то ваши мемуары "Аплодисменты" стали бестселлером, да и до сих пор они активно продаются. И вот увидела свет ваша новая книжка "Люся, стоп!"

— Я долго собираюсь с мыслями, но потом все делаю очень быстро. Книга буквально за два-три месяца с помощью Сергея Михайловича Сенина была написана. Посвящена она моей жизни в очень интересные годы, после перестройки. Больше ничего рассказывать не буду — все прочтете сами!

— У вас, конечно, есть свой гример, свой стилист...

— В жизни предпочитаю швейцарскую косметику. На сцене стараюсь использовать очень скромный, кинематографический грим. В спектакле "Прощай, XXI!" в фильме "Старые клячи" и в "Мадлен" прибегала к услугам одного из лучших гримеров — Тамары Гайдуковой, которая работала с Бондарчуком, Кончаловским.

Своего стилиста у меня нет. Предпочитаю работать с разными мастерами. Если вы видели фотосессию, где моим имиджем занимался Сергей Зверев, то вряд ли поверили, что это я. Это шок, я сама не верю, что это я.

— Ваша героиня из спектакля "Мадлен, спокойно!" возвращается на сцену парижской "Олимпиады". Эдита Пьеха, Алла Пугачева и другие наши звезды тоже блистали на сцене "Олимпиады". А вам, Людмила Марковна, там петь не доводилось?

— К сожалению, нет. Я ведь киноактриса и на эстрадных сценах работала не так часто. Хотя мне довелось как-то выступать в ООН (приносит с улыбкой: О-О-Он. — Прим. авт.), где еще в 1983-м я дала один концерт при большом скоплении народа, исполнив военные песни. В газетах писали: "Гурченко открыла американской публике душевную эстраду".

— Как вы восприняли недавний проект, где молодые артисты поп-рок-сцены исполнили песни военных лет?